

№8 / 2022

TIL VA ADABIYOT TA'LIMI

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
XALQ TA'LIMI VAZIRLIGINING
ILMIY-METODIK JURNALI

Elektron jurnal

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Я ПРЕПОДАВАНИЕ
ЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Электронный журнал

LANGUAGE AND LITERATURE
TEACHING | SCIENTIFIC-METHODOLOGICAL JOURNAL OF THE MINISTRY
OF PUBLIC EDUCATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Electronic journal

ISSN 2010-5584

«Til va adabiyot ta'limi» «Преподавание языка и литературы» «Language and literature teaching»

ilmiy-metodik jurnal / научно-методический журнал

Bosh muharrir

Bahodir JOVLIYEV

Tahrir hay'ati:

Baxtiyor Saidov
Dilshod Kenjayev
Nizomiddin Mahmudov
Nargiza Rahmonqulova
Yorqinjon Odilov
Nasirullo Mirkurbanov
Jabbor Eshonqulov
Valijon Qodirov
Baxtiyor Daniyarov
Abdurahim Nosirov
Tolib Enazarov
To'liqin Saydaliyev
Ravshan Jomonov
Zulxumor Mirzayeva
Qozoqboq Yo'ldoshev
Tajixon Sabitova
Salima Jumayeva
Nilufar Namozova
Qayum Baymirov
Manzar Abdulxayrov
Lutfullo Jo'rayev
(bosh muharrir o'rinbosari)
Alijon Safarov (elektron nashr uchun)
Sayyora Halimova (elektron nashr uchun)
Latifa Xudayqulova (elektron nashr uchun)

Muharrirlar:

Nilufar Namozova
Nigora Uralova
Emma Torosyan
Nargis Bobodjanova

Sahifalovchilar:

Akmal FARMONOV
Gulnoza VALIYEVA

Tahririyat manzili:

100038, Toshkent shahri
Matbuotchilar ko'chasi 32-uy.
Telefon: (98) 121-74-16,
(71) 233-03-10, (71) 233-03-45, (71) 233-03-67.
e-mail: til_adabiyot@umail.uz
web-sayt: www.tilvaadabiyot.uz

MUNDARIJA

TAHLIL

Gulhayo Bo'riyeva. O'zbekistonda baholash tizimidagi kamchiliklar.....	2
Klara Busyorova. Imkoniyatlarning qo'sh eshigi.....	3
Abdunazar Jurayev. Bo'lajak gid-tarjimonlarga lug'atni o'qitishda korporadan foydalanishning afzalliklari.....	6
Abdurazzoq Qo'chqorov. "Leksikologiya" grammatik kompozitsiya tadbirini o'tkazish.....	10
Aziza Husenova. Ona tili va o'qish savodxonligi darslarida o'qituvchi va o'quvchi ta'lim jarayoni subyekt sifatida.....	14
Adiba Bekchanova. Ona tili darslarida matn bilan ishlashni o'rganish.....	16
Dilrabo Quvvatova, Rahima Sharipova. Rauf Parfi she'riyatida shamol, bulut, yomg'ir, qor ramzlari.....	18
Nodira Xolikova. "Yangi yo'l" jurnali: xotin-qizlar ma'rifati.....	20
Oysha Rajabova. «Xorijiy tillarni o'qitishda axborot texnologiyalarining o'rni».....	23
Nargiza Mirzayeva. Bolalar nashrlarida lisoniy va nolisoniy vositalarning qo'llanilishi.....	24
Abdullo Xudayqulov. O'zbek tilidagi ayrim anglitsizmlarning dinamikasi xususida.....	26
G. Muxamedjanova. "Yulduzli tunlar" romanining yaratilish tarixi.....	28
Akram Hamdamov Abdulla Oripov fenomeni va adabiy-ijodiy muhit.....	31
Nasiba Yarashova. Growth and development of child speech in modern science research.....	33
Nodira Khatamova. Main characteristics of the theatre of the absurd as an anti-play movement.....	35
Vahobiddin Bozorov. "Sabot ul-ojizin" - ilmiy-ma'rifiy asar.....	36
Farangiz Fayziyeva. "Mahabb ul-qulub" asarida komil inson g'oyasi asosida ilohiy sifatlar namoyon bo'lishi.....	38
Diana Ruzmetova. Ingliz tilini o'qitishda grammatik interferensiyaning oldini olish tadqiqoti.....	40
Muyassarxon Bahriddinova. O'zbek va nemis yuridik terminlarida ichki va tashqi omillar.....	42
Dilnozaxon Murotova. Muloqotda uzr so'rashning lingvopragmatik tadqiqi.....	43
Alijon Esanov. O'zbek bolalar mavsumiy marosim folklorining o'rganilish tarixi.....	45
Yulduz Hayitova. Surxon adabiy muhitining zamonaviy she'riyatiga bir nazar.....	48
Gulnigor Mavlanova. XIX-asr oxiri XX - asr boshlarida yaratilgan ingliz va o'zbek adabiyotlarida davr ruhiyati.....	52
Shoxista Abdujabborova. Topishmoqlarning lingvopragmatik xususiyatlari.....	54
Muxlisaxon Saydaliyeva. Pretsedent nom va deonimlashish hodisasi.....	56
Nilufar Karimova. Alisher Navoiy devonlaridagi lirik janrlar miqyosida hamd mavzusining yoritilishi.....	59
Gulnigor Xolmurotova. Ona tili ta'limida lug'at bilan ishlash kompetentligini shakllantirish.....	60
Iqboloy Ilasheva, Saidbek Hasanov ilmiy biografiyasi va matnshunoslik faoliyati.....	62
Nilufar Namazova. Ulug' mo'jizalardan biri tarixi.....	63
Almardanova Iroda Shukur Xolmirzayev hikoyalarning poetik xususiyatlari.....	65
Nilufar Ataqulova, O'tkir Hoshimovning "ikki eshik orasi" romanida estetik kategoriyalarning badiiy in'ikosi.....	67
Navro'z Madalov. Maqollarda sinonimik munosabatning ifodalanishi.....	69
Abduraufxon Orifjonov. Munisning hayoti va ijodiga va unga oid manbalar tahlili.....	72
Navro'za Karimova. Jamiyatda muallimning o'rni.....	74
Dilafroz Ismoilova. Ta'lim jarayonida tarbiya xususiyatlari.....	75
Diana Abduramanova. Franz Kafka's revolt and obedience.....	77
Ezoza Hazratkulova, Jamila Djumabaeva. The role and brief history of psycholinguistics and its aspects.....	79
Fazilat Xudayqulova. Kasb tanlashda PIRLS xalqaro baholash dasturining roli.....	81
Komila Turabaeva. Motivation and its role in language acquisition.....	83
Nargiz Artikova. Ilmiy tadqiqot va diagnostika.....	85
Olima Khalilova. Vocabulary is a vital part of language teaching.....	88
Tumaris Kabulova. Moral crisis in American literature of the 20th century.....	90
Dilshod Rajabov, To'xtamurod Rajabov. Badiiy ko'chma vositasida ramzlarning yuzaga kelishi va ularning badiiy xususiyatlari.....	92

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАТЕЛЯ

Рашид Матенов. Об актуальных задачах методики преподавания русского языка в группах с узбекским языком обучения в вузе.....	94
Рануша Атаева. Пересказ как одна из эффективных форм работы по развитию речи учащихся.....	95
Азиза Балтабаева. Изучение жанра сатиры Кантемира по «Истории русской литературы XVIII века».....	98

ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТИ МАТЕРИАЛЫ

Ферузахон Якубова. Современные методы преподавания русского языка студентам технических вузов.....	100
Севара Султанова. Языковое варьирование в процессе деривации и употребление существительных в русском языке с точки зрения лингвопрагматики.....	102
Умида Ёркулова. Вариативность в русском языке.....	105
Лобар Юнусова. О формальном варьировании фразеологических единиц.....	106
Мафтуна Насриддинова. Экспрессивно-стилистические функции иноязычных заимствований.....	107

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мактуба Сатторова. Сопоставительный анализ клишированных единиц с числовым компонентом в русском и узбекском языках.....	110
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наргиза Тошпулатова, Каххоржон Юлчиев. Моделирование архаического мира в современной сказке.....	112
Жавохир Содиков, Немат Сабиров. Характер и функция природы в рассказах А.П.Чехова.....	114

O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasining Filologiya bo'yicha doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrdir.

Рашид МАТЕНОВ,

и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ГРУППАХ С УЗБЕКСКИМ ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Формирование навыков употребления синтаксических вариантных единиц в речи студентов неязыковых специальностей – актуальная задача методики преподавания русского языка в группах с узбекским языком обучения в вузе.

В современной методике преподавания русского языка в национальных группах сделано очень многое по изучению вопроса о синтаксической вариантности в современной лингвистике и лингводидактике. Однако всё еще отсутствуют исследования по формированию навыков употребления синтаксических вариантных единиц в речи студентов неязыковых вузов, оставляя вопрос до конца неисследованным.

Для выявления особенностей формирования навыков употребления синтаксических вариантных единиц русского языка в речи студентов, для которых русский язык не является родным, необходимо обосновать, разработать и апробировать систему опытно-экспериментального обучения. При создании системы такого обучения следует учитывать условия многоязычия, в которых происходит процесс обучения основным (неязыковым) специальностям, а также наличие в достаточном для обучения объеме изучаемого материала в учебно-методической литературе по русскому языку. Как показывает анализ имеющихся учебных материалов по русскому языку, необходимо дополнить имеющийся дидактический массив комплексами специальных упражнений, электронных обучающих программ, раздаточным материалом, выстроить весь имеющийся материал в стройную методическую систему для реализации программных и методических целей: активизации синтаксических конструкций для повышения эффективности использования в речи вариантных единиц, способствующих формированию профессиональной речи студентов неязыковых специальностей.

При подготовке, проведении и анализе экспериментально-опытного обучения ставятся следующие вопросы: выработка гипотезы и задач экспериментального обучения; определение цели, варьируемых условий обучения, подбор испытуемых; проведение опытно-экспериментального обучения; анализ количественных и качественных показателей результатов; обработка данных; аспекты проверки в процентах.

При проведении опытно-экспериментального обучения можно предположить следующее: если в процессе формирования навыков употребления синтаксических вариантных единиц в речи сту-

дентов узбекских групп будут использованы учебно-методические пособия, комплекс упражнений, электронные обучающие программы, дидактический раздаточный материал и при этом учитываться родной язык студентов, то навыки употребления синтаксических вариантных единиц в речи студентов будут более эффективными, прочными и глубокими по сравнению с традиционной системой обучения, а значит, и русская речь будет более правильной и обогащенной. Будут заложены необходимые основы для освоения языка специальности и самосовершенствования в языке на этапе магистратуры и послевузовского образования.

Всё перечисленное способствует осознанному усвоению грамматических объектов – языковых вариантных единиц, снятию трудностей их употребления в речи и закреплению навыков путем формирования специальных умений, что позволит понимать и предупреждать возможные ошибки как результат действия интерференции.

Для подтверждения правильности этой гипотезы можно апробировать методическую систему, которая включает различные виды дидактических материалов, направленных на формирование у студентов узбекских групп навыков употребления в речи синтаксических вариантных единиц русского языка на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

Задачи такой работы – целенаправленное обучение студентов пониманию самого явления вариантности синтаксических конструкций, активизация навыков выделения и осмысления способов выражения вариантных единиц в текстах и высказываниях и в итоге формирование продуктивных навыков и умений употребления их в речи.

Определяя конкретную цель в системе работы на каждом занятии, первостепенное внимание уделяется учету родного языка и проведению необходимой и своевременной работы по преодолению трудностей, порождающих интерференцию.

В качестве неварьируемых условий данного обучения выступают студенты национальных групп (уровень их развития, подготовка по языку, их количество), время обучения, его продолжительность в каждой группе.

Варьируемые условия – объем и характер вариантных единиц, учебные пособия, дидактические материалы, комплекс упражнений, электронные программы для активизации вариантных единиц.

Методом исследования могут послужить теоретический анализ научной литературы по ме-

тодике преподавания русского языка и смежным наукам, обобщение передового опыта обучения русскому языку, научное наблюдение, опытно-экспериментальное моделирование и обучение.

К вспомогательным методам исследования отнесём анкетирование и беседы с участниками проводимого исследования – преподавателями и студентами неязыковых вузов.

За основу составления системы обучения для формирования навыков употребления синтаксических вариантных единиц русского языка в речи студентов узбекских групп целесообразно принять теорию Н.И.Гез [1].

В системе упражнений, развивающих любой вид речевой деятельности, вслед за названными выше авторами, выделим две подсистемы – подготовительные и речевые упражнения.

Подготовительные упражнения – необходимая и весьма важная часть общей системы упражнений, включающая ряд групп, в основе выделения которых могут лежать разные критерии. Сюда можно отнести: деление видов речевых навыков на рецептивные, рецептивно-продуктивные и продуктивные; противопоставление различных групп упражнений по отношению к речевому общению – языковые (или некоммуникативные); условно-речевые (или условно-коммуникативные); речевые (коммуникативные).

На первом этапе такого исследования формируются основы методической концепции на базе

анализа и чтения соответствующей лингвистической, психологической, художественной и методической литературы, проводится констатирующий эксперимент и отдельные самостоятельные эксперименты и наблюдения. На втором этапе совершенствуется методическая система.

Введение и активизация определенной массы отобранных синтаксических конструкций производится через текст. Являясь источником лингвистической и экстралингвистической информации (на этом основании признается многими исследователями основной учебно-воспитательной единицей), текст позволяет наиболее полно реализовать общеучебные и частично экспериментальные цели, а через них – воспитательные возможности предмета. Именно на основе текста можно добиться эффективного обучения, реализуя принцип комплексности, т.е. строить методику в неразрывной связи с развитием речи и усвоением грамматической системы.

При организации обучения русскому языку должны быть пересмотрены формы обучения: традиционные фронтальная и индивидуальная заменяются коллективной и/или групповой в соответствии с новыми технологиями обучения. Работа в парах, тройках, в малых группах помогает не только значительно разнообразить занятие и делать его более интересным и привлекательным для студентов, но и обучает культуре русского речевого поведения, развивает творческие способности и профессиональные навыки.

Использованная литература

1. Гез Н.И., Ляховицкий М.В., Миролюбов А.А. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Высшая школа, 1982.
2. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
3. Горбачевич К.С. Вариантность слова как лексико-грамматический феномен // Вопросы языкознания, 1975, №1.
4. Матенов Р.Б. Принципы учета межпредметных связей при формировании навыков употребления вариантных единиц в речи студентов неязыковых вузов // Молодой учёный, 2012, №6(41) (Россия, Чита).
5. Матенов Р.Б. Теоретическое осмысление вариантности как особого языкового явления // Педагогика высшей школы (Россия), 2015, №1 (01).

Рануша АТАЕВА,

доктор философии по филологическим наукам,
старший преподаватель Университета общественной безопасности Республики Узбекистан

ПЕРЕСКАЗ КАК ОДНА ИЗ ЭФФЕКТИВНЫХ ФОРМ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ

В современной методике преподавание иностранного языка несколько отличается от традиционного. По нашему мнению, это связано с изменением типа участников образовательного процесса, в частности с мышлением учащихся: «В современном мире ... изучение иностранного языка давно не самоцель, а необходимая часть профессиональной деятельности и/или осознанный мотив, позволяющий путешествовать и общаться с представителями других культур и традиций» [1, с. 305].

Традиционно под участниками или субъектами образовательного процесса понимают учителя/преподавателя и учащихся. Существует большое количество определений данным терминам. Мы придерживаемся следующих определений, так как считаем, что они наиболее полно отражают их содержание: «Учитель – педагогический работник, в задачи которого входят обучение и воспитание учащихся с учетом специфики преподаваемого предмета, формирование общей куль-

туры личности, социализации, осознанного выбора и освоение профессиональных программ» [2].

«Учащийся – объект и субъект педагогического познания, ради которого создаётся процесс обучения, в котором обучающийся вступает в субъектно-объектные отношения с педагогом и окружающим миром. В процессе познания в сознании учащегося совершается сложнейший процесс отражения реальной действительности с помощью разнообразных научно обоснованных методов обучения. Учащийся – главный участник, активный саморазвивающийся субъект учебного процесса» [3].

Традиционный тип мышления для участников образовательного процесса – это предметно-ориентированный подход к обучению с использованием традиционных методов обучения. «Задача обучающегося при обучении на основе традиционных методов и заключается в основном в том, чтобы усвоить учебный материал, выучить заданное и воспроизвести его основные положения в ходе контроля учебной деятельности. В данном случае активность обучающегося по своей направленности и содержанию носит репродуктивный характер. Именно это определяет при обучении традиционными методами приоритетную роль памяти и недостаточное внимание к управляемому развитию творческого мышления, которое в этом случае осуществляется лишь опосредованно» [4].

Следовательно, переход преподавателя на занятиях по русскому языку как иностранному на другую форму подачи материала и использование нестандартных методов и приёмов обучения, ранее применяющихся обычно при проведении только открытых занятий, нестандартных уроков, стал естественным процессом в системе образования. Отметим, что речь не идет об отказе от традици-

онных методов обучения, наоборот, они являются базой, на которую наслаиваются различные активные и интерактивные методы и приёмы обучения. Современный учащийся требует постоянного внимания к себе, контакта с ним во время занятия, в связи с чем педагог вынужден искать формы работы, обеспечивающие тесное взаимодействие всех участников образовательного процесса. К таким средствам взаимодействия учителя и учащихся, а также учащихся между собой, по нашему мнению, относится пересказ, который всегда подразумевает излагающего и слушающего, и далее их вопросно-ответную беседу. «Пересказ – это воспроизведение прочитанного текста, но для того, чтобы грамотно пересказать текст, обучающийся должен обладать навыком осознанного чтения, элементарными приёмами интерпретации, анализа и преобразования различных текстов» [5].

Обычно пересказ ассоциируется с занятиями по литературе, однако опыт показывает, что данная форма работы результативна и на занятиях по иностранному языку. К примеру, на занятиях по русскому языку пересказ можно условно разделить на несколько видов: 1) пересказ небольшого готового текста; 2) восстановленного текста; 3) пересказ по картинке/кластеру, причем рекомендуется использовать все три вида пересказа на одном занятии в данной последовательности, т.е. по принципу «от простого к сложному».

Сравним: 1. Пересказ небольшого готового текста по теме занятия. Данная работа реализует образовательную цель занятий по русскому языку, формирует лингвистическую компетенцию и научную речь учащихся. Научная информация подается в виде небольших пронумерованных правил, визуальное упрощающее восприятие материала, что немаловажно при изучении новой темы.

1. **Имя прилагательное** – это знаменательная часть речи, которая обозначает признак предмета и отвечает на вопросы: Какой? Чей?
2. **В русском языке выделяется три лексико-грамматических разряда имен прилагательных:** 1. Качественные имена прилагательные, например, *новый, высокий, красный*. 2. Относительные имена прилагательные, например, *зимний, железный, домашний*. 3. Притяжательные имена прилагательные, например, *мамин, медвежий, отцов*.
3. **Род, число, падеж имен прилагательных** зависят от имени существительного. Например, *новый дом, новая кофта, новое здание, новые друзья*.

2. **Пересказ восстановленного текста.** Эта форма работы реализует воспитательную и развивающую цели занятий по русскому языку и формирует коммуникативную компетенцию и бытовую речь учащихся. Использование приема «Мозаика» наиболее полно отражает содержание данной работы. Поиск и соединение «логически разорванных цепочек» интересны как для учащихся, владеющих языком на достаточном уровне, так и для слабо владеющих языком учащихся.

3. **Пересказ по картинке/кластеру.** Названная форма работы формирует и развивает научную речь по специальности. Кластер, являясь одним из графических органайзеров, помогает не только докладчику, но и слушателю воспринимать информацию на иностранном, в частности на русском языке. При этом кластер а) может быть подготовлен учителем/преподавателем (на начальных этапах изучения курса иностранного языка, чтобы показать учащимся алгоритм работы по составлению кластера, а также готовность учителя сотрудничать с учащимся); б) может быть подготовлен учащимся (на дальнейших этапах курса для формирования навыков работы с графическими органайзерами и самостоятельности учащихся); в) может быть подготовлен учащимися (на продвинутых этапах курса, чтобы показать учащимся работу во взаимодействии, в сотрудничестве).

Таким образом, обязательным условием современного занятия по русскому языку в высшей школе является формирование лингвистических, коммуникативных компетенций, которые возможны при использовании такой формы работы, как пересказ. Пересказ – это и предмет, и средство обучения, инструмент для развития русской речи обучающихся. Кластер и мозаика представляют собой эффективные приемы обучения, способствующие лучшему пониманию и запоминанию текстов на иностранном языке, активизации мыслительной деятельности учащихся.

Два друга

Два друга много дней шли по пустыне. Однажды они поспорили, и один из них сгоряча дал пощёчину другому. Его друг почувствовал боль, но ничего не сказал. Молча он написал на песке: «Сегодня мой самый лучший друг дал мне пощёчину».

– Когда кто-нибудь нас обижает, мы должны написать это на песке, чтобы ветры могли стереть нашу надпись. Но когда кто-либо делает что-то хорошее, мы должны высечь это на камне, чтобы никакой ветер не смог бы стереть это.

Первый спросил его:
– Когда я тебя обидел, ты написал на песке, а теперь ты пишешь на камне. Почему?
И друг ответил:

Друзья продолжали свой путь, и вот они нашли озеро, в котором решили искупаться. Тот, что получил пощёчину, едва не утонул, а друг его спас. Когда он пришёл в себя, то высек на камне: «Сегодня мой самый лучший друг спас мне жизнь».

Литература

1. Вик Н.О. Коррекция слухопроизносительных навыков у норвежцев, изучающих русский язык // Методика преподавания русского языка как иностранного // Русистика, т. 16, 2018, №3.
2. Педагогическая энциклопедия. <https://didacts.ru/search?q=%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C&type=words>
3. Педагогическая энциклопедия. <https://didacts.ru/termin/uchaschijsja.html>
4. <https://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-08/dissertaciya-povyshenie-effektivnosti-obucheniya-kursantov-voennyh-vuzov-na-osnove-diskussionnyh-i-igrovyh-metodov>
5. https://www.defectologiya.pro/zhurnal/metodika_raboty_nad_pereskazom_kak_sredstvom_razvitiya_svyaznoj_ustnoj_rechi_mladsix_shkolnikov/

Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, кто мирской жизни уж отстали,
Помесьтя и вотчины весьма не пристали» [3].

4. Охарактеризуйте первый портрет героя? Какие детали-символы помогают понять деятельность Критона? Почему Критон выступает против просвещения? С чем связана негативная позиция духовенства по отношению к образованию?

Силван другую вину наукам находит.
«Учение, – говорит, – нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.

<...>

Силван одно знание слично людям хвалит:
Что учит множить доход и расходы малит;
Трудиться в том, с чего вдруг карман не толстеет,
Гражданству вредным весьма безумством

звать смеет [3].

5. Охарактеризуйте второй портрет героя? Какие детали-символы помогают понять деятельность Силвана? Почему Силван выступает против просвещения? Какие собственные пороки Силван называет в своем монологе-саморазоблачении?

Румяный, трожды рыгнув, Лука подпеваает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли.<...>
Вино – дар божественный, много в нем провору:<...>
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки
И возвратятся назад минувшие веки,
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу, –
Тогда, оставя стакан, примуся за книгу» [3].

6. Охарактеризуйте третий портрет героя? Какие детали-символы помогают понять жизненную философию Луки? Почему Лука выступает против просвещения? Какую вину ставит просвещению Лука? Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не в чем уж завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры;

Пред Егором двух денег Виргилий не стоит;
Рексу – не Цицерону похвала достоин.
Вот часть речей, что на всяк день звенят мне
в уши [3].

7. Охарактеризуйте четвертый портрет героя? Какие детали-символы помогают понять увлечения Медора? Почему Медор выступает против просвещения? Какая жизнь лучше, по мнению Медора? Таковы слыша слова и примеры видя,

Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать
хулу злую [3].

8. К какому выводу приходит автор в заключении сатиры? Почему автор советует «уму» «молчать, сидеть в незнатности»? Какую награду получает ум в русском обществе XVIII века?

9. Дайте характеристику понятия «ум», «умный», «благородный», «счастливый»? Почему, по вашему мнению, быть глупым выгоднее? С чем было связано бедственное положение «умных» в русском петровском обществе XVIII века?

На втором этапе занятия студентам предлагается сделать вывод об основной идее сатиры, обратившись к ее заглавию.

10. Почему сатира имеет двухуровневое заглавие? Что представляет каждый уровень заглавия? «К уму своему. На хулящий учение»? Как соотносится каждый уровень заглавия с галереей самообличающих портретов-монологов в сатире?

11. Почему Кантемир выбирает именно жанр сатиры для защиты реформ Петра I?

В конце практического занятия преподаватель предлагает учащимся завершить заполнение таблицы ЗХУ по теме «Сатиры Кантемира»:

Знаю	Хочу узнать	Узнал

Данная технология позволяет учителю и студентам сократить время интерпретации художественного текста, сложного для восприятия современными учащимися, а также освоить художественное произведение в идейно-тематическом плане и выделить специфические черты жанра сатиры в творчестве Кантемира.

Литература

1. Бунеева Е.В., Чиндилова О.В. Технология работы с текстом в начальной школе и в 5–6 классах (технология формирования типа правильной читательской деятельности) / Сборник материалов «Образовательные технологии». М.: Баласс, 2008.
2. Лихачев Д.С. «Я живу с ощущением расставания...». <http://zhivoe-slovo.ru/ot-pervogo-litsa/intervyu/267-likhachjov-dmitrij-sergeevich/1020-qua-zhivu-s-oshchushcheniem-rasstavaniyaq.html>; Хрусталева А.В. Медленное чтение М.О.Гершензона: у истоков метода // Вестник ТГУ, 2009, №6. URL: <http://puma/article/n/medlennoe-chtenie-m-o-gershenzona-u-istokov-metoda>; Эйдельман Н.Я. Учитесь читать!/vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/NYE/READ.HTM; Чудакова М.О. Не для взрослых. Время читать! (Сборник). М.: Время, 2012. <http://readanywhere.ru/chudakovamariettaomarovna/booksne-dlya-vzroslyx-vremya-chitat-sbornik/75613/Trial>
3. Кантемир А.Д. Сатиры / Сатира 1 – Кантемир. Полный текст стихотворения (culture.ru).

Ферузахон ЯКУБОВА,

старший преподаватель Ташкентского международного университета Кимё

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Современная политика Узбекистана в области образования характеризуется коренными изменениями, вызванными необходимостью ее приведения к международным стандартам, обращением к человеку, его интересам и запросам с учетом потребностей общества и государства. В Узбекистане основной задачей внедрения инноваций и образовательных реформ являются приспособление системы образования к новой социально-экономической среде и соответствие тем потребностям, которые выдвигает общество к новой личности.

В системе высшего образования особое значение приобретает не только вопрос «*Чему учить*», но и «*Как*» это делать эффективно. При всей важности контента в некоторых случаях более остро стоит вопрос формы обучения, которые должны быть максимально разнообразными, яркими и эмоционально насыщенными. Известный российский психолог Л.С.Выготский писал, что «произведение искусства является результатом преодоления действительности художественной формой». Роль преподавателя заключается в усилении осознанности и ответственности студента: он помогает определить цель, составить план, перейти к действиям, вдохновляет и мотивирует.

Цель данной статьи – рассмотрение практических заданий по технологии эдьютейнмента как инновационной технологии в преподавании русского языка в техническом вузе. В вузовской системе внедрение инновационных технологий является необходимым условием для мыслительного и творческого развития студентов. Основная задача инновационных технологий – формирование личности будущего специалиста, способного самостоятельно строить свой учебно-познавательный процесс.

Студенту, изучающему русский язык как неродной, необходимо усвоить элементы его формальной структуры, чтобы уметь передавать информацию, которую до этого он передавал только на родном языке. Чтобы построить высказывание на неродном языке, надо усвоить модель-схему и научиться образовывать по ней множество синонимичных фраз. Для успешного общения студент, для которого русский язык является неродным, должен владеть хотя бы ограниченным набором моделей предложений,

которые можно заполнить варьлируемой лексикой. Способность эффективно общаться на русском языке в официально-деловой среде, знание стилистических особенностей иностранного языка, системы терминов, стандартизированных моделей, профессионально ориентированных текстов и умение использовать их в своей деятельности составляют профессионально-языковую грамотность студентов технических вузов.

В свою очередь, использование технологии эдьютейнмента способствует достижению основной цели модернизации образования, т.е. усовершенствованию качества образования, увеличению доступности образования и обеспечению совершенствования личности. Вопросы использования технологии эдьютейнмента на занятиях по русскому языку изучены мало. Эдьютейнмент наряду с методами активного обучения выступает как эффективная технология развития творческого мышления студентов, позволяет повысить эффективность обучения за счет новых форм представления информации, ее восприятия, обсуждения, анализа и осмысления. Их использование обеспечивает эффективную организацию и последовательное осуществление игрового образовательного процесса для достижения высокой заинтересованности и вовлеченности студентов, уверенности и мотивированности педагога. Данная технология создает необходимые условия для развития умений самостоятельно мыслить, ориентироваться в новой ситуации, находить свои подходы к решению проблем, оказывает большое влияние на подготовку студентов к профессиональной деятельности и развитие творческих способностей будущих специалистов.

На основе проведенных экспериментов мы разработали практические задания на основе технологии эдьютейнмента.

Диалогика. Обучающиеся делятся на малые группы. Преподаватель раздает карточки с репликами диалога, студенты выбирают карточки и продолжают диалог. Побеждает команда, которая быстро и правильно справится с заданием.

Раз словечко, два словечко. Обучающиеся делятся на малые группы. Преподаватель включает песню. Студенты должны прослушать песню и рассказать ее содержание. Побеждает группа, которая быстро и правильно справится с заданием.

Песенная картотека. Обучающиеся делятся на малые группы. Преподаватель раздает карточки с названием песни, дает студентам прослушать несколько песен. Студенты слушают песни, затем угадывают их название. Побеждает группа, которая быстро и правильно справится с заданием.

Синонимизатор. Преподаватель раздает карточки с пословицами (фразеологизмами, словами, словосочетаниями) на корейском языке. Студенты должны прочитать пословицы, понять их суть, найти синонимичные пословицы на русском и родном языке.

Угадай меня. Преподаватель дает аудиоописание предметов. Студенты прослушивают аудиоописание и угадывают предмет.

Аниматор. Студенты смотрят отрывок из мультфильма. Учитель предлагает студентам придумать и рассказать конец мультфильма.

Грамматический хоккей. Студент приглашается к доске – «встает на ворота», в руках держит клюшку. Группа студентов всегда имеет в своем «арсенале» сформулированные вопросы. Студентам разрешается «забить» вратарю по одной «шайбе», т.е. задать по одному вопросу по пройденной теме. Сколько «голов» отбил вратарь (на сколько вопросов ответил), такую оценку и получил.

В заключение необходимо отметить, что благодаря технологии эдьютейнмента студенты во время игры учатся коммуницировать, работать в команде, толерантности и взаимоуважению, сотрудничеству, достижению общих целей, что позволит повысить качество подготовки специалиста в соответствии с требованиями работодателя и рынка труда, у выпускников технических вузов формируются навыки определения психологических барьеров общения и путей их устранения, этикета, культуры поведения и речи.

Использованная литература

1. Андриянова В.И. Инновационные технологии как средство развития самостоятельности, критичности мышления обучающихся на современном этапе. Ташкент, 2005.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
3. Павлова Л.Г. Русский язык. Учебное пособие для вузов. Ростов-на-Дону, 2004.
4. Сиротина Т.Б. Научный стиль речи. Русский язык как иностранный. Практикум для студентов-иностранцев подготовительных факультетов вузов (филологический профиль). М., 2013.
5. Самойлова С.В. Профессиональная речь государственных служащих: ортологический подход // Русский язык и госслужба, 2011, №2.

Севара СУЛТАНОВА,
преподаватель Ферганского государственного университета

ЯЗЫКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ДЕРИВАЦИИ И УПОТРЕБЛЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

Русский язык как флективный и морфологически богатый язык предоставляет множество вариантов падежных свойств. Его падежная категория представляет собой сложную и абстрактную грамматическую систему противопоставлений с неясной семантикой, усложняясь при этом непрозрачными формами и связями между числом (единственное и множественное число), родом (три родовые системы – мужской, женский и средний) и склонением (три типа склонения). Более того, приобретение кейсов создает трудности из-за других аспектов. Например, разница в достоверности сигналов, связанных с разными случаями, отражается в порядке, в котором они усваиваются детьми. Предположительно, менее частые и менее выраженные случаи приобретаются позже в детстве, чем более частые и выраженные.

В то время как разные исследователи согласны с тем, что приобретение различных случаев происходит несколько последовательно, в литературе нет единого мнения о точном порядке приобретения случаев.

Существуют различные процедуры образования слов, расширяющие лексический состав языка. Согласно Г.В.Беляковой, «деривация является наиболее важной и широко используемой процедурой в русском языке. Она состоит в создании нового слова путем его получения из комбинации корневой леммы, существительного, глагола, прилагательного и суффикса» [1].

Согласно типологическому анализу, флективный русский язык имеет образец включения аффиксов, осуществляющих семантические, морфологические и синтаксические изменения, включая существительные, знаки объекта и лицо к глагольному корню.

Исследование коммуникативного аспекта словообразования, в частности процесса деривации в медиадискурсе, стало одной из важнейших тем в лексической сфере. В отечественной и зарубежной лингвистической литературе демонстрируются различные подходы к изучению производной лексики: структурно-семантический (Фатхутдинова, 2015; Ильясова, 2016), лингвокультурологический (Ерофеева, 2014; Вендина, 1998), когнитивный (Баранов, Добровольский,

1996; Кульшарипова, Новак, 2016) и методологические (Хашеми, 2011; Мартьянов, Горобец, Новак, 2016). Исследование активных деривационных процессов, основанных на медиадискурсе и являющихся своего рода катализатором языковой трансформации, позволяет выявить критические изменения в словообразовательной системе русского языка и проследить тенденции развития словоупотребления в целом.

При описании действия процесса деривации существительных методология исследования предполагает применение средств лингвистического описания с элементами толкования типовых производных единиц, сплошной выборки лексических материалов, структурно-семантического словообразовательного и контекстуального анализа.

В последнее время язык газетных периодических изданий стал сферой повышенной словообразовательной активности, так как иллюстрирует огромное количество словопроизводных, полученных обычными способами словообразования. Данные позволили выявить следующие закономерности словообразования в современном русском языке: суффиксообразование, префиксообразование и нулевую суффиксацию.

Как известно, морфологические производные можно получить добавлением суффиксов или префиксов. Суффиксация – один из самых популярных способов образования новых слов в русском языке, именно в суффиксальной сфере наблюдается более активное взаимодействие 1) заимствованных суффиксов как с русскими, так и с иноязычными основами слов; 2) русских суффиксов как с заимствованной, так и с исходной производящей основой; 3) стилистически разнородных морфемных частей: книжные суффиксы и основы в исходных стилистически редуцированных словах и наоборот.

Прогресс в продуктивности некоторых суффиксальных моделей отмечен в пределах следующих лексических групп.

1. Имена лиц со значением носителя (предметного или процессуального), образованные а) иноязычными продуктивными книжными суффиксами **-ист**, **-атор**, **-ант** в сочетании с иноязычными и русскими основами: *лоббист*, *перфор-*

мансист, нашиист (член организации «Наши»), подписант, номинант, номинатор, коммуникатор и монетизатор; б) русскими суффиксами **-ник, -чик/-щик, -ец/-ов/-овец** от неродных основ: *оффшорник, интернетчик, пиаровец, спамщик*. Семантика данной подгруппы слов существенно расширяется: помимо наименования человека по его роду занятий или интересам, они могут иметь значение «сторонник», «последователь чего-либо»: *государственник* (сторонник государственной власти), *ЛДПР-овец* (сторонник партии ЛДПР), *ЕГЭшник* (лицо, сдавшее ЕГЭ). Образующая основа здесь часто является именем собственным в сочетании с суффиксом **-ец/-овец**: *обамовец, порошковец, зюгановец* [2].

2. Имена со значением признака, образованные русскими суффиксами **-ск, -ов/-овск, -н** в сочетании с заимствованными основами: *шенгенский, узерский, онлайнный, пиаровский, творческий*.

3. Обозначение действия, образованное от глагольными суффиксами **-рова, -ова, -и**: а) от заимствованных основ нарицательных имен (*брендировать, производить, литье, офшорить*); б) от основ имен собственных (*гайдарить, чубайсить, навальничать, петросянить*).

4. Названия абстрактной семантики с русскими суффиксами **-ость/-есть, -ств(о)** и заимствованными **-изм, -инг**; их появление связано с увеличением производящих основ за счет расширения существующих в русском языке просторечных, жаргонных и иноязычных основ, а также с использованием основных имен собственных: *показушность, ненашесть, жесткокизм, лоббизм* [2].

5. Обозначения общественно значимых процессов действительности с иноязычными суффиксами **-аций(а) и -изаций(а)** производными от а) заимствованных имён нарицательных со значением их исходного уровня (*долларизация, фермеризация, компьютеризация*); б) от личного имени и выражает значение процесса или явления, обусловленного данным объектом деятельности или воздействия. Такие производные приобретают экспрессивно-оценочную, но нередко негативную коннотацию, формируясь как под влиянием мотивирующей семантики, так и контекста (*мавродизация, чубайсизация, навальнизация*).

6. Образованы от русских основ существительных с суффиксами **-ух(а), -ак, -ач, -ан, -еж, -няк, -цин** с уничижительной оценкой, активизируясь в разговорной сфере. Среди них названия абстрактной семантики (*развлекуха, голодуха, житуха, отходняк, галдёж*); Ф.И.О. (*звездач, звездун, бандюган, виагрик, стержоза, выпивоха, глупар, пареньга*); обозначение явлений, собы-

тий, состояний (*беспредельщина, митинговщина, обидёнщина, аномальщина*), неологизмы, занимающие среди них особое место, образованные от имен собственных деятелей современности: *лужковщина, кадыровщина, порошковщина, обамовщина, трамповщина*.

Одним из продуктивных паттернов современного словообразования является присоединение русских приставок к заимствованным основам. В последнее время книжная сфера обогатилась рядом неологизмов с иноязычными приставками **анти-, контр-** со значением отрицания и антитезы: *антикризисный, антипремия, контрреволюция, контрелита*; **псевдо-, квази-** с семантикой неподлинного и ложного: *псевдопарад, псевдосмысл, квазипереворот, квазиэкспертиза, квазиэлитный*; **супер-, мега-** с размерно-оценочным и поведенческим значением, количественным выражением: *супердорогой, суперкомфортный, супермудрость, мегасенсация, мегагорий, мегаэзотический*; **нано-**, указывающие на отношение к нанотехнологиям: *нанопротезы, наночастицы, наноасфальты*; **ре-** (повторно) со значением предыдущей итерации действия: *реновация, репост*.

Можно сказать, что мы наблюдаем первые признаки появления новой отрицательной приставки **нон- (не-)**, которая встречается в немногих словах с неродными основами: *нонфактор, нефакт, нестандартный, нефигуративный*.

Активными стали следующие разговорные префиксы: **с-**: *скреативить, спионерить, сроссиянить*; **от-**: *отъехать, отксерить, оттелефонить*; **пере-**: *перепиарить, перестахановить* (от стахановского), *перешилить* (от «шило»), *перемылить* (от «мыло») со значением «превзойти в чем-либо кого-либо (что-либо), который (или то) называется мотивирующей базой»; **до-**: *доподумать, донумеровать*; **об-**: *обшутить*; **при-**: *прифантазировать, прикупить*; **про-** со значением приверженности чему-либо (чаще всего какому-либо политическому режиму): *пророссийский, прозападный, проамериканский*; **раз-** со значением устранения результатов предыдущей деятельности: *развидеть, размусорить*.

Нулевая суффиксация является одним из продуктивных способов именного словообразования и функционирует как в разговорной, так и в жаргонной речи. В анализируемый период наиболее требовательными оказываются существительные (в основном относящиеся к разговорно-сленговой лексике) со следующим словообразовательным значением: «абстрактное действие» (*вруб, отгиб, откат, разогрев, взлом, облом*) [3].

В последнее десятилетие активизация ряда заимствованных аффиксов сопровождалась усилением их экспрессивности и оценочности. Так, заимствованный из английского языка новый суффиксоид **-гейт** со значением «политический скандал» стал широко использоваться в медиадискурсе как процесс деривации, особенно в образованных от имен собственных – топонимов и имен ключевых фигур, выдающихся в конкретный исторический период: *Альтайгейт, Ирангейт, Обамагейт, Кучмагейт*.

Во многих новшествах средств массовой информации предложный элемент **нано-** больше не указывает на минимальный размер, а подразумевает негативную оценку спекулятивной деятельности новых технологий: *нано-что-то-там (нано-нечто), наноскандал, нанодельцы, наноЧубайс, нанорезультаты*.

Вместе с тем продуктивными оказываются и некоторые нейтральные неологизмы, например, имена с элементом **-мейкер**: *маркетмейкер, имиджмейкер, клипмейкер, шоумейкер*; также названия с элементом **медиа-**: *медиабизнес, медиаактивы, медиахолдинг, медиамагнат, медиапокупка, медиапространство, медиарынок, медиасеть* и наконец названия с элементом **-мания**: *киномания, пелсимания, шоколадомания*.

Активные процессы естественно-аффиксального словообразования связаны с общеязыковыми изменениями, «вызванными социальными, экономическими и политическими преобразованиями» [4], что произошло в российском обществе в конце XX–начале XXI века, в частности так называемая демократизация и либерализация языка, ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, жаргонизация современного русского языка, резкое увеличение потока английских заимствований.

Фразеология средств массовой информации активно использует ресурсы в рамках системы и норм русского языка. Иными словами, процесс деривации в медиадискурсе порождается прежде всего словообразовательными моделями, использующими продуктивные словообразовательные аффиксы. Несмотря на лавинообразный рост числа новых словообразовательных единиц именовании, возникших в результате практически

неизменных продуктивных формантов, носители языка отдают предпочтение уже существующим в языковой системе активным образцам. В целом обычное современное словообразование остается в рамках традиционно распространенных способов.

Итак, к наиболее продуктивным аффиксальным средствам словообразования относятся суффиксация, префиксация, нуль-суффиксация и аффиксоидное словообразование, причем наиболее популярным средством оказывается суффиксация. Поэтому одним из наиболее эффективных способов современного словообразования является присоединение исконных русских аффиксов к заимствованным основам, где суффиксы наиболее требовательны. На современном этапе развития словообразовательные типы стали более адаптивными. Система аффиксационных словообразовательных типов настолько устойчива, что может легко перерабатывать заимствованные основы, образуя производные с русскими аффиксами. При этом русские основы активно участвуют в словообразовании, т.е. в создании новых слов по эффективным образцам.

Такие слова являют собой системообразующее свойство русского словообразования: словообразовательная морфология по продуктивным образцам контекстуально обусловлена и ситуационно зависима, причем полученные данные позволили отметить заметную активизацию иноязычных аффиксов, наиболее продуктивными из которых являются приставки.

Способствуя повышению личностного критерия, словообразование в медиадискурсе выполняет не только номинативную функцию, но и экспрессивно-оценочную, причем последняя более значима для современной публицистики. Процесс деривации является действенным средством сделать текст более выразительным. Словообразование превращается в эффективное аксиологическое пособие и один из инструментов социальной оценки в устной деятельности медийных личностей.

Таким образом, аффиксальное словообразование является одним из важнейших функциональных и динамично развивающихся механизмов в русской деривационной системе.

Литература

1. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007.
2. Ерофеева И.В. Именное словообразование в языке русских летописей. Дис. ... докт. филол. наук. Казань, Казанский (Приволж.) федеральный университет, 2010.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики, 2004, №1.
4. Gorobets E., Kulsharipova R., Novak M. Speech Disorders in Patients with Cognitive Impairment Caused by Neurodegenerative Diseases: an Overview // Journal of Language and Literature, 2016, т. 7, №2.

Умида ЁРКУЛОВА,

магистрант Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Языки меняются на протяжении веков; некоторые умирают, такие как кельтский, санскрит и хеттский, в то время как другие превращаются в другой язык, доказывая, что они живы. Одним из примеров эволюции одного языка в другой была латынь или, вернее, вульгарная латынь, от которой произошла группа диалектов, называемых романскими, которые в свою очередь превратились в современные романские языки – итальянский, португальский, испанский, французский и румынский.

Поскольку со временем языковая динамика приводит к лингвистическим трансформациям, лингвистические свойства становятся нестабильными. Однако интересно отметить, что для говорящих это не становится проблемой, поскольку неоднородность структурирована и не наносит ущерба процессу общения. Социолингвистика, которая является областью лингвистики, занимающейся изучением языковых вариаций и изменений, может доказать, что вариативность (изменчивость) следует некоторым структурным паттернам, позволяющим говорящим понимать друг друга во время коммуникативного взаимодействия.

Изменения происходят внутри любого языка из-за того, как люди используют свой язык, или из-за контакта с другими языками и культурами. Языки отличаются друг от друга различными аспектами своей структуры, т.е. синтаксисом, морфологией, фонологией, лексикой и т.д. Согласно Вольфраму, «если структура лежит в основе языка, то вариации определяют его душу» [1, с. 333].

Поскольку язык – нестабильная система, следует учитывать, что лингвистические вариации являются частью процесса обучения и усвоения. Вариация считается неотъемлемым явлением грамматики, которое усваивается говорящим на протяжении всей жизни, или, скорее, вариация составляет часть интернализованных знаний говорящего [2]. Таким образом, необходимо обучать изменчивым в языковой системе структурам, которые могут быть мотивированы факторами, обнаруженными в языковой структуре или в социальной структуре речевого сообщества. Основываясь на этих предположениях, мы пытаемся обсудить и продемонстрировать важность преподавания вариаций английского языка, а также некоторые предложения по работе с этой темой в классе.

Согласно теории сложности, «язык считается динамической сложной системой, которая находится в постоянной эволюции для удовлетворения коммуникативных потребностей говорящих» [3].

По мере того как говорящие формируют свой язык для достижения эффективного общения, язык может подвергаться процессам вариаций и изменений на протяжении столетий.

Мы рассматриваем язык как динамическую систему, которая постоянно трансформируется в процессе использования. В любой момент времени язык является таким, какой он есть, из-за того как он используется, и любое использование языка изменяет его. Таким образом, если язык рассматривается как открытая, постоянно развивающаяся система, а не как закрытая, то такие понятия, как грамматика «конечного состояния», становятся аномальными, поскольку открытые системы постоянно претерпевают изменения, иногда довольно быстрые.

Говорящий может выбирать слова и структуры (которые называются лингвистическими соглашениями) для сообщения ситуации, основываясь на предыдущем использовании этих соглашений в подобных ситуациях. Слушатель выполняет тот же процесс коммуникации, но в этом случае его знание предыдущих случаев употребления условных обозначений может не совпадать со знанием говорящего. Тогда сообщаемая новая ситуация уникальна и допускает различные интерпретации. Во время этой процедуры язык может подвергаться процессам языковых вариаций.

В сложной системе «во все времена наблюдаются огромные различия во всех характеристиках». Применительно к использованию языка вариация связана с тем фактом, что пользователи языка динамически адаптируют свои языковые ресурсы к контексту, а контекст постоянно меняется. Из-за динамического взаимодействия между пользователем языка и контекстом разделение между ними, хотя и возможное для аналитических целей, требует несостоятельного предположения, что они независимы [3, с. 20].

Таким образом, вариация является результатом использования языка, т.е. языковые взаимодействия индивидов могут преобразовывать и модифицировать систему языка.

В области социолингвистики Лабов определяет язык как инструмент, используемый членами сообщества для общения друг с другом. Уместно отметить, что язык происходит от гетерогенной природы, а не от однородной, как считают другие лингвисты, повседневной жизни. По словам Лабова, вариация понимается как два или более способов сказать одно и то же [4]. Некоторые

ученые заявляют, что связь между структурой и однородностью – иллюзия. Лингвистическая структура включает в себя упорядоченную дифференциацию говорящих и стилей посредством правил, управляющих вариациями в речевом сообществе; владение родным языком включает в себя контроль над такими разнородными структурами [2].

Эти языковые характеристики также позволяют людям различать людей, группы, сообщества, государства и нации. Изменчивость может возникать на каждом уровне языковой грамматики, в каждой разновидности языка, в каждом стиле, диалекте и регистре языка, у каждого говорящего и даже в одном и том же предложении в одном и том же дискурсе. Приведенные ниже примеры демонстрируют различия, происходящие на разных уровнях грамматики в нескольких языках: а) лексический уровень – *твОрог* и *творОг* называют по-разному; б) фонологический уровень – например, *булочная* вместо *булошная* [ч-ш]; в) семантический уровень – в русском языке слово *сука* означает самку собаки, но оскорбительный способ обращения к женщине; г) морфосинтаксический уровень – *люди с «чиновничьим» складом ума*; д) прагматико-стилистический уровень – в русском языке вместо *инвалид* используется *человек с ограниченными возможностями*.

Таким образом, учитывая посылку о том, что язык является социальным явлением, которое создается его носителями для достижения эффективной коммуникации, разумно предположить, что вариации существуют везде и всегда. Как утверждает Лабов, «язык – это то, что делают все его пользователи; это социальное, а не только академическое явление» [4].

Когда мы общаемся, на нас влияют многие факторы, в том числе исторический и социальный контекст, сообщества, в которых мы живем, институты и социальные организации, в которых мы участвуем, а также происхождение, культура и идентичность нас самих и других. Общение – это сложное и тонкое поведение; это одновременно врожденное и приобретенное. Быть хорошим коммуникатором зависит от использования языка приемлемыми, уместными и эффективными способами.

В этом случае недостаток знаний о вариациях может привести к проблемам с точки зрения разборчивости и понятности при коммуникативном взаимодействии из-за того, что среди носителей (и не носителей) языка существует вариативность в том, как они используют целевой язык. Таким образом, учащиеся должны знать, что отдельные люди или речевое сообщество могут принимать определенные типы вариантов в своей повседневной речи и регистре.

Литература

1. Wolfram W. Variation and Language. Overview, 2006.
2. Walker T. et al. Theory-driven and Corpus-driven Computational Linguistics, and the Use of Corpora // Corpus Linguistics, 2007.
3. Larsen-Freeman D.A Successful Union: Linking ELF with CAS // Intercultural Communication. New Perspectives from ELF, 2016.
4. Labov W. Contraction, Deletion, and Inherent Variability of the English Copula // Language, 1969.

Лобар ЮНУСОВА,

магистрант Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

О ФОРМАЛЬНОМ ВАРЬИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Язык – это динамическая система, которая находится в постоянном развитии для удовлетворения коммуникативных потребностей своих носителей.

Язык – это способ общения, инструмент для объединения или разделения людей, он позволяет людям делиться информацией, мыслями, чувствами и эмоциями. Язык меняется, умирает, и он не пассивен, доказательством чему служит такое понятие как «вариативность».

Я.В.Пономарёв в книге «Психика и интуиция» под вариативностью понимает форму эволюционирования языкового объекта и в то же время результат эволюции, поскольку, как известно,

функционирование любой взаимодействующей системы осуществляется «путем постоянных переходов процесса в продукт и обратно – продукта в процесс» [1, с. 148]. Эта своеобразная «двойственность» вариантности отражена в дефиниции, предложенной Е.С.Кубряковой: «... под варьированием ... понимается процесс и/или результат появления у исходной единицы неких модифицирующих ее в том или ином отношении разновидностей, или вариантов» [2, с. 25].

Фразеология – одна из отраслей науки о языке, изучающая этимологию, семантику, строение и функционирование фразеологических единиц. В научной лингвистической литературе термин

«фразеологизм» рассматривается в широком и узком смысле. Некоторые исследователи относят афоризмы, идиомы, паремии и крылатые фразы к фразеологизмам. В лексическом составе языка фразеологизмы занимают значительное место, так как образно и точно передают мысль, отражают различные стороны действительности.

По определению А.Г.Шереметьевой, «формальные варианты (лексические формы) – факт синхронической кинематики: сосуществующие в определенный исторический период лексические формы отражают эволюционные процессы в языке. Явная архаичность одной из форм, как, например, *кофе/кофий, кентавр/центавр, зал/зала/зало* и подобные, выводит ее за пределы нормативности (в широком понимании), переводя вариантность в синонимию или языковую дифференциацию» [3, с. 37].

По определению Н.М.Шанского, «Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различия вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако они не должны нарушать тождества фразеологизма как такового» [4, с. 55].

Формальная изменчивость фразеологизмов «определяется с учетом цельности фразеологического значения». Однако В.М.Мокиенко отмечает родственную устойчивость фразеологического значения в диахронии и показывает, что проблема многообразия фразеологизмов связана с их историческим сходством. Сохранение вариантов фразеологизмов, свидетельствующих об их мно-

готипности, доказывается при их синхроническом анализе [5, с. 20-21].

Многие исследователи к формальному варьированию фразеологических единиц относят фонетические, словообразовательные, морфологические и синтаксические варианты.

Фонетические варианты обычно проявляют себя на уровне живой речи и в словарях не фиксируются.

Словообразовательные варианты в языке обычно представлены в виде уменьшительных суффиксов существительных (*дрожать как овечий хвост/хвостик*) и словообразовательных аффиксов глаголов (*закружить/вскружить* голову).

Изменение словоформ приводит к появлению морфологических вариантов: *защемило сердце/на сердце*.

Синтаксические варианты в основном реализуются в «живой» речи и редко фиксируются в словарях: *не видеть света белого – света белого не видеть; дразнить гусей – гусей дразнить*.

Вариантность присутствует на всех языковых уровнях, без нее невозможно представить развитие языка, его многообразие. Мы рассмотрели вариативность фразеологических единиц языка, показали, как она представлена и как проявляет себя на данном языковом уровне. Все лингвисты, исследующие проблему фразеологического варьирования, подчеркивают чрезвычайную сложность данного языкового явления. Проблема фразеологического варьирования весьма интересна и в силу большой сложности требует более глубокой разработки.

Литература

1. Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М., 1996.
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997.
3. Шереметьева А.Г. Лексико-грамматическая вариантность в русском языке (синхронно-диахронический аспект). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 2001.
4. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная литература, 1996.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980.

Мафтуна НАСРИДДИНОВА,

магистрант Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Многие лингвисты считают, что язык можно рассматривать как «живой организм», который «растет» как внутренне, так и подвергаясь внешним деятельностным воздействиям. Следовательно, между разными языками постоянно происходит взаимодействие, в результате чего языки

заимствуют новые слова, развивая и обогащая национальные языки.

Заимствованные слова демонстрируют лексическую энергию «принимающего» языка, поскольку новые слова адаптируются к грамматическим нормам «принимающего» языка. Русский язык

является примером того, как под влиянием различных политических, экономических, социальных и исторических процессов язык может постоянно обогащаться заимствованиями.

Вопрос иностранных заимствований актуален в контексте современного политического, экономического и социального развития современного российского общества.

Лингвистический энциклопедический словарь А.Е.Кибрика предлагает следующее определение заимствования: «Заимствование – это элемент иностранного языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), передаваемый из одного языка в другой в результате языковых взаимодействий, а также процесс перехода элементов из одного языка в другой ..., использование лексического фонда других языков для выражения новых понятий, дальнейшая дифференциация уже существующих и образование новых и ранее неизвестных объектов» [1, с. 604–606].

Э.Ф.Володарская определяла заимствованные слова как естественное следствие установления экономических, политических, культурных связей между людьми, когда реалии и понятия обозначающих их слов также интегрируются в язык [2, с. 96–118].

Очень часто внешние факторы становятся первопричиной лексических заимствований. Основная внешняя причина – прочные политические, экономические и культурные связи между людьми. Например, в петровское время многие слова были заимствованы из немецкого и голландского языков. В этот период русский язык под влиянием экономических и социальных контактов с Германией и Голландией обогатился такими словами, как *бутерброд*, *бухгалтер*, *фейерверк*, *ярмарка*, *стул*, *шницель*. В результате интереса русских к немецкой военной системе были адаптированы следующие военные термины: *аксельбанты*, *гауптвахта*, *ефрейтор*, *гаубица*.

Другой внешней причиной заимствования было использование одного слова вместо более длинного выражения для определения предмета или понятия. Например, французское слово *портье* использовалось для замены обозначенной должности дежурного менеджера в гостинице, а английское слово *джем* стало общеупотребительным русским словом для обозначения плотного сорта фруктового пюре.

Политические и социальные понятия *бродяжничество* и *вербализм* также служат фактором использования иностранных слов, особенно в 1990-х годах в Российской Федерации. Они в какой-то степени отражали образ социального статуса успеха и известности в обществе в тот материальный момент. Однако не все действительно понимали и умели правильно использовать эти заимствованные иностранные слова.

Важно подчеркнуть, что внутриязыковые и внешние причины заимствований взаимосвязаны. Социальный запрос на уточнение различных понятий приводит к языковой тенденции к более точным и дифференцированным определениям различных понятий. В результате в русском языке появились близкие по смыслу, но не всегда синонимичные слова: *репортаж* (отчет) и *сообщение* (донос), *тотальный* (общий) и *всеобщий* (общий), *хобби* (развлечение) и *увлечение* (проведение досуга) и другие.

Другой внутриязыковой причиной заимствования была замена длинного описательного определения определением из одного слова. Поэтому иноязычное заимствование вытесняет исконно русское описательное выражение, если оба они имеют одинаковое значение. Например, *снайпер* вместо меткий стрелок, *турне* вместо кругосветное путешествие, *мотель* вместо гостиницы для автотуристов, *спринт* вместо бег по предписанной дистанции и т.д.

Можно также отметить еще один фактор, объясняющий иностранные заимствования. Когда заимствованные слова образуют языковую группу с некоторым сходным значением и похожей морфологической структурой, их становится легче адаптировать в системе другого языка. В качестве примера можно рассмотреть следующую группу иностранных заимствований: *джентльмен* и *полицейский*, взятые из английского языка в XIX веке, а также слова *спортсмен*, *рекордсмен* и *яхтсмен*, дополненные в XX веке. Таким образом, ряд заимствований, обозначающих деятельность людей с одной и той же морфемой «мужчина», образовал целую языковую группу, впоследствии обогатившуюся другими словами с той же морфемой: *бармен*, *бизнесмен*, *конгрессмен*, *шоумен* и др.

В зависимости от уровня адаптации заимствованных слов в русский язык можно выделить несколько групп, существенно различающихся по стилю: 1) слова, утратившие явные признаки своего иностранного происхождения – *картина*, *кровать*, *стул*, *тетрадь*, *школа*; 2) слова, сохраняющие некоторые внешние признаки нерусского происхождения – иноязычное звучание (*джаз*, *вуаль*, *жюри*); нерусские суффиксы (*техникум*, *директор*, *студент*); префиксы (*трансляция* – *вещание*, *антибиотики*); несклоняемые слова (*кино*, *кофе*, *пальто*); 3) общеупотребительные слова из области политики, науки, искусства и культуры со схожим звучанием в других европейских языках. Такие слова относят к интернациональным словам: *телеграф*, *телефон*, *интернет*, *компьютер*, *мобильный телефон* и т.д. Эта группа заимствованных слов не имеет русских синонимов и используется без ограничений, так как они нейтральны и привносят в речь эмоции [3].

Важную роль играет общественное мнение о том, что иностранные слова звучат более престижно, почему заимствования стремительно проникают в русский повседневный язык и заменяют

сходные русские слова, например, *презентация* вместо *представления*, *эсклюзивный* вместо *исключительный*, *консенсус* вместо *согласия*, *аррогантный* вместо *высокомерный* и т.д. [4, 5].

Для создания образа успешного и знающего человека в национальном языке часто используются необычные иностранные слова. Психологически использование таких незнакомых слов привлекает к пользователю особое внимание.

Большой социальный престиж употребления иностранного слова (по сравнению с исконно русским или ранее заимствованным, но «обрусевшим») иногда вызывает явление, которое можно назвать «высокостатистическим» рангом [6], т.е. слово, обозначающее обычный предмет, приобретает более значительный престижный и важный статус при использовании его иностранного эквивалента. Например, французское слово *бутик* означает *небольшой магазин*, но в современном русском языке *бутик* означает *магазин модной эксклюзивной одежды*. Вот еще пример: *коттедж* по-английски означает *загородный дом*, но как английское заимствование в русском языке приобретает значение *большой загородный дом*.

Это подтверждает мысль о том, что если новое заимствование отражает текущую социальную потребность, оно будет часто использоваться людьми и иметь высокий уровень адаптивности к русскому языку. Заимствования, отражающие интересы большого количества людей, получают общественное внимание и становятся широко используемыми в обществе, хотя иногда и на короткое время. Они легко образуют производные, которые становятся предметом словесных игр и словесных каламбуров (*рейтинг*, *дресс-код*, *кастинг*, *промоутер*, *хедхантер*, *HR*, *интервью*, *партнер*, *контракт*, *игры*).

Еще одна причина использования иностранных заимствований – воздействие на слушателя. Обычные слушатели не обращают внимания на методы, которыми пользуются рекламные компании, работающие над созданием новых методов и инструментов, чтобы максимально воздействовать на каждого как на потенциального покупателя. Одним из способов «завоевать» сознание публики и заинтересовать их своим товаром является использование иностранных слов. Как показывает практика, иностранное слово звучит привлекательнее, потому что оно незнакомо. Например, *парфюм* вместо *духи*, *лонгслив* вместо *футболка с длинными рукавами*, *худи* вместо *кофта с капюшоном*, а также большое количество слов из области красоты, на-

пример, *шейпинг*, *шугаринг*, *пилинг* и т.д. В меню ресторанных кафе можно увидеть *донатсы* вместо *пончиков* или *бубликов*, *панкейки* вместо *блинчиков*. Всё это создает проблемы с пониманием. Для человека, который не часто ест вне дома, сложно найти в меню то, что он действительно хочет, и ему приходится спрашивать описание каждого блюда, ставя себя в неловкое положение.

К сожалению, при заимствовании слов из другого языка часто не обращается внимание на возможное повторение, которое может быть в том же словесном выражении, т.е. возникает проблема плеоназма: *короткий брифинг*, *короткий блицтурнир*, *народный фольклор* и т.д. Это неуместное использование иностранных слов.

Таким образом, очевиден факт, что в русском языке действительно много заимствованных слов, особенно из западных стран, использующихся в различных сферах жизни общества, количество которых постоянно увеличивается. Мы, конечно, не можем избежать влияния Запада, однако без принятия необходимых мер русский язык рискует оказаться переполненным вводящими в заблуждение словами, выражениями и предложениями. Мы считаем, что иностранные заимствования должны быть изучены и объяснены молодому поколению во время их обучения в средней школе. Профессиональные педагоги должны объяснить уместные и правильные значения заимствованных слов, привести примеры и их русские синонимы, научить использовать заимствования, чтобы сделать речь яркой и выразительной.

Было бы целесообразно ввести курс современного русского языка на всех уровнях образования, а изучение и использование иностранных заимствований включить в лингвистические дискуссии. Необходимо научить людей жить с иностранными словами, понимать и узнавать их. Кроме того, этому может способствовать создание словарей иностранных заимствований, способных быстро реагировать на все изменения и давать правильное значение, а также краткий словарь заимствованных слов. Нынешний век информационных технологий, безусловно, увеличит проникновение и использование иностранных слов и, следовательно, создаст больше проблем для национальных языков, включая русский язык. Также важно повсеместно повышать уровень образования и по возможности сокращать ненужное и некорректное использование иностранных заимствований, в том числе в средствах массовой информации. Все эти меры были бы очень продуктивны для сохранения русского языка и культуры.

Литература

1. Кибрик А.Е. Язык. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания, 2002, №4.
3. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX–начала XXI века: проблемы освоения и функционирования. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2008.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель; АСТ, 2001.
5. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2001.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика–Пресс, 1994.

выражать и неопределенность времени акта, усиливает значение «нет», указывает на ничтожную величину и т.д.

Число *етти* (семь) в узбекском языке имеет большое символическое значение, является составной частью восприятия человеком самого сакрального с одной стороны и имеет значение «много» – с другой. Именно поэтому число *етти* (семь) широко используется в культурных традициях и фольклоре народа. В русском языке: *Семеро одного не ждут. Семеро с ложкой – один с сошкой. Тайна за семью печатями. Семи пядей во лбу. Семь бед – один ответ.*

Большинство культур считают определенные числа особо значимыми, даже символическими, что находит отражение в их религиях. Например, число *семь* имеет особое значение в арабских традициях, берущих начало на Ближнем Востоке. Некоторые цивилизации, такие как шумерская и вавилонская, определили *семь планет* и вокруг них *семь дней недели*. Число *семь* также было известно как «совершенное» число, символ полноты и добра. Число *семь* упоминается примерно двадцать пять раз в Коране, священном тексте мусульман. Эти ссылки обычно касаются семи небес, семи периодов творения, семи групп вещей или семи личностей, таких как семь спящих в Эфесе. Таким образом, число *семь* напрямую связано с божественной силой и имеет большое символическое значение как выражение мусульманской веры и чудес Бога.

Эта черта воплощена в пословицах: *«Етти ёшгача бола ердан калтак ейди. – До семи лет ребёнок получает побои от земли. Етти ўлчаб бир кес. – Семь раз отмерь, один раз отрежь.* Поэтому это число считается совершенным числом, но в то же время является мистическим само по себе.

Таким образом, как одна из констант мировой культуры число является логическим и культурным явлением. Его изучение в каждом национальном языке и в каждой этнической культуре позволяет выявить его концептуальные характеристики, а также особенности языково-культурного отношения. Традиционно числа относятся к самой древней лексике любого языка.

Категория чисел в русском и узбекском языках связана с категорией времени (*один день, три года*). Кроме того, изучаемые числа характеризуются

символизмом семантики. Например, в русском и узбекском языках такие числа, как три и семь, имеют символическое значение. Это совершенные числа (триединое единство в религиях, трехступенчатость в мифологии, трехкратное и семикратное повторение в фольклоре и т.д.) и одновременно сакральные.

Символизация числительных в русской и узбекской национальной культуре определяется своеобразием мировоззрения и менталитета, стремлением человека объяснить устройство мира, общества и самого себя через традиционное восприятие чисел.

Выявлено, что код чисел *три* и *семь* играет большую роль в языке и культуре русского и узбекского народов: их символика закреплена в духовной и материальной культуре, верованиях, обычаях, обрядах, фольклоре и языке этносов.

Проведенное исследование доказало, что числовые единицы, семантика которых представляет собой сложную совокупность национально-культурных представлений, являются объективным отражением явлений материального и духовного в сознании человека, занимают определенный пласт в системе языка.

Лингвокультурная символика чисел в изучаемых языках находит отражение в мифологических представлениях, поверьях, народной медицине, заговорах, обрядах, связанных с рождением, свадьбой, похоронами и оплакиванием, в былинах, сказках, загадках, пословицах и поговорках, во фразеологизмах и т.д. Так, числа часто используются для определения количества сказочных персонажей, предметов, описания их внешнего вида, размера, объема, величины, силы, мощи и других свойств персонажей и играют важную роль в символике, помимо своих основных значений выражают этнокультурное значение.

Числовая модель как компонент языковой картины мира включает в себя значения чисел, заложенных в мифологии, фольклоре, языке, является неотъемлемой частью духовной культуры народа. В культурном контексте число утрачивает числовое значение и приобретает сакральное, символическое, магическое значения. В узбекском и русском языках числительные в составе атрибутивных конструкций несут в себе лингвокультурный потенциал, тем самым характеризуют особенности национальной картины мира.

Литература

1. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – это культурный код нации и ключ к культуре человечества в целом // Филология и культура, 2012, №2 (28).
2. Замалетдинов Р.Р. Национально-языковой образ татарского мира. Краткое содержание дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004.
3. Гизатуллина Л.Р. Нумерологические фразеологизмы в английском и татарском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
4. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. М.: Наука, 1977.

Наргиза ТОШПУЛАНОВА,

магистрант,

Каххоржон ЮЛЧИЕВ,

доктор филологических наук, доцент Ферганского государственного университета

МОДЕЛИРОВАНИЕ АРХАИЧЕСКОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ СКАЗКЕ

Со времен классической эпохи Греции и Рима теоретики литературы интересовались темой организации сюжетов рассказов. Аристотель в «Поэтике» выдвинул важнейшую идею о том, что сюжет должен обладать достаточной амплитудой, чтобы позволить вероятной или необходимой последовательности отдельных действий произвести значительное изменение в судьбе главного героя. В статье рассматривается тема моделирования архаического мира в современной сказке.

Для Бахтина хронотоп «определяет жанровые и родовые различия, ибо в литературе первичная категория в хронотопе – время». Инверсия времени, характерная для мифологического и художественного мышления разных эпох, представлена Бахтиным как понятие «фольклорного хронотопа». Оно подразумевает фольклорное время, один из реликтов десакрализованного мифа, а также мифологического в своей вечности вневременного царства, вне человеческого влияния [1].

Бахтин считает, что фольклорный хронотоп претерпел трансформацию в сторону более изощренных и дифференцированных романских жанров античной литературы, а в литературных сказках появились новые типы хронотопов, такие как «идиллический» и «бытовой авантюризм» [1]. Эти хронотопы представлены Робертом Хеммингом, утверждающего, что ностальгия в Винни-Пухе одновременно идеализирует и раскрывает лежащую в основе напряженность в динамике между детством и взрослой жизнью, которая прежде всего вызывает идеализирующий импульс. Идиллический характер Долины Муми-троллей был описан и шведскими исследователями.

С точки зрения Лотмана, книги о муми-троллях также можно рассматривать как приключения, такие как Накситралли, основанные на приключенческом хронотопе повседневной жизни. Успешное завершение квеста (возвращение утерянных вещей их владельцам, нахождение кометы) подтверждает, что нравственная справедливость вселенной восстановлена [2]. И идиллические, и авантурные хронотопы мы считаем скорее второстепенными, поскольку они пред-

ставляют собой авторский способ построения повествования на поэтическом единстве сказки.

Фольклорный хронотоп не знает прошлого в его обычном «историческом» значении. «Как есть только эмпирическое пространство, так есть только эмпирическое время, измеряемое не датами, днями, годами, а действиями персонажей», но дело не скоро делается. Время в народных сказках имеет особую гибкую непрерывность, оно проходит очень «быстро». Фольклорное будущее воспринимается как «конец дней», или всё то, что существует и используется не так часто. Это время темпоральности называется «циклическим» или «вечным временем», которое служит основой актуальности сказок всех времен.

Современные сказки наследуют этот тип темпоральности, и даже если главный герой принадлежит современности, многие авторы используют портал для переноса героя в «циклическое время». Тем не менее в зависимости от замысла автора портал не нужен. В сказках, которые мы упоминаем, нет порталов. В книгах о Винни-Пухе и Муми-троллях мы не знаем, ни года, в котором происходит действие, ни числа. Рассказчик «сказки» появляется в начале первой главы со стандартной

вводной формулой: «когда-то, давным-давно, о прошлой пятнице..., далеко...». В книгах о Муми-троллях рассказ начинается так: «Однажды утром, – это было утро, когда отец Муми-тролля закончил строить мост через реку», «однажды, когда Муми-тролль был совсем маленьким», «одним ранним холодным и ветреным вечером».

В Долине муми-троллей осень приходит из-за весны, которая должна прийти позже, и значение осени упоминается во многих книгах. Муми-папа начинает заботиться о календаре только тогда, когда семья переезжает на остров к Муми-папе в море. Он объясняет свою озабоченность важностью знания, будь то воскресенье или среда. Маленькая Мю видит бессмыслицу этого и демонстрирует это своими мимическими выражениями, явно подразумевающими «ничего более глупого я за всю свою жизнь не слышала». Время в Долине муми-троллей важно только тогда, когда пора есть, или спать, или играть.

Фольклорные герои не скучают, их болезни быстро проходят, они не стареют, потому что настоящее время не имеет власти, как в современных сказках. Детская литература тоже независима от конкретного «здесь и сейчас». Например, временной континуум напоминает ритуальный континуум в мире Винни-Пуха, как и в фольклоре. Часы в его доме всегда показывают без пяти одиннадцать, когда Пух любил «немного» поесть. А вот будни, наоборот, часто упоминаются в рассказе. Особенно четверг имеет оттенок позитивного отношения. Пух и Пятачок отправляются к Иа, чтобы пожелать очень счастливого четверга. «Тебе того же и дважды по четвергам», – желает Иа. Пятачку нечего было делать до пятницы, и сказочник ссылается: «Однажды, очень давно, примерно в прошлую пятницу» случилась история с пчелами». Итак, есть вторник, среда, четверг, пятница и суббота. Сакральное воскресенье отсутствует, как и понедельник. Долгое ожидание обычно занимает недели: *«Но его руки так одеревенели от того, что он всё это время держался за веревку воздушного шара, что оставались прямо в воздухе больше недели, и всякий раз, когда муха прилетала и садилась ему на нос, ему приходилось ее сдувать»*.

Особого внимания заслуживает и поэтическое отношение к будущему. Для персонажей Янссона, Милна и Рауда будущее, как в фольклоре, эфемерно, а не конкретно. Однако будущее вос-

принимается скорее как форма прокрастинации – когда что-то откладывают на «завтра», то чаще всего это означает «никогда»: «Что было бы, если бы мы сейчас пошли домой и порепетировали твою песню, а потом спели бы ее Иа-Иа завтра – или – или на следующий день, когда мы случайно его увидим?».

Филифьонка обещает вымыть посуду на следующий день в Муми-доле в ноябре, а Тутики говорит Муми-троллю, что солнце вернется завтра в Муми-тролль в середине зимы, хотя на самом деле это будет не то Летнее Солнце, которого ждет Муми-тролль.

Свойственное фольклору искажение временной перспективы и отсутствие пространственной направленности приводит к свойственному снум ощущению большего мира. Не нужна «идеальная мечта» о каком-то мире, где всё возможно, где чудеса – часть повседневной жизни, разговаривают и взрослеют животные.

Когда вечное фольклорное время приходит в движение, а герои начинают взрослеть, иллюзия «острова детства», Бессмертной Идиллической Страны, начинает исчезать. Время становится более историчным, линейным, и, например, Кристофер Робин начинает взрослеть и должен навсегда покинуть Лес в конце второй книги о Пухе. Взросление, «взрослость» связано с восприятием времени – «серьезными» героями часто становятся те, кто знает цену времени: профессор из «Кометы в Долине муми-троллей» знает, какое сейчас число, с точностью до секунды когда прилетит комета. Сова в книгах о Пухе знает, как пишется вторник, и говорит Пуху, что он опаздывает.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Лотман Ю.М. К проблеме пространственной семиотики. Об искусстве. СПб.: Искусство, 2000.

Жавохир СОДИКОВ,

магистрант,

Немат САБИРОВ,

старший преподаватель Ферганского государственного университета

ХАРАКТЕР И ФУНКЦИЯ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ А.П.ЧЕХОВА

Одни критики обращались к изображению природы в художественных произведениях Чехова, другие исследовали эту тему в русской литературе и изобразительном искусстве. Питер Россбахер в книге «Природа и поиски смысла в рассказах Чехова» выделяет три повторяющихся качества природы в художественной литературе Чехова: тайна, молчание и сверхъестественное [1]. Билл Валентайн в «Природе в художественной литературе Чехова» подчеркивает неязыковую связь между персонажами Чехова и природой [2]. Какими бы полезными для настоящего исследования ни были выводы Россбахера и Валентайна, они оставляют место для дальнейшего анализа. В частности, они не полностью учитывают отношения между природой и повествованием, которые персонажи создают, чтобы понять себя и свое место в мире.

В «Человеке в футляре» Чехов еще более откровенно размышляет о способности природы опровергать рассказываемые людьми истории. Как утверждал Валентайн, «Человек в футляре» – это история о рассказывании историй. В этом произведении школьный учитель Буркин рассказывает историю о Беликове, человеке, который всегда носил галоши и ходил с зонтом, который хранил в чехле. По словам Буркина, Беликов был репрессивной силой в городе, постоянно угрожая санкциями своим согражданам даже за малейшие проступки. Фридман указывает, что Буркин одновременно и искусный, и ненадежный рассказчик: он приукрашивает детали и осуждает Беликова за черты, которые на самом деле разделяют Буркина и других горожан. Фридман не упоминает об этом, но мы хотели бы предположить, что природа играет определенную роль в предупреждении читателей о лицемерии Буркина.

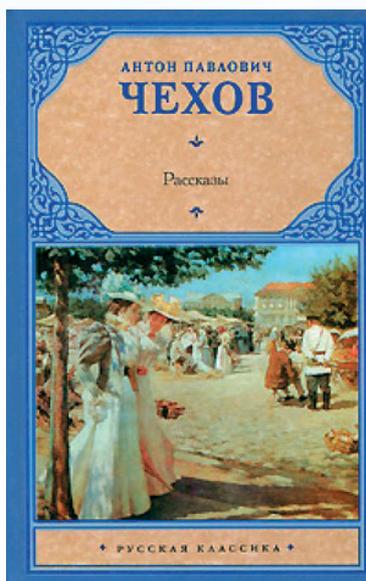
Особенно важно обращать внимание на погоду в «Человеке в футляре». В рассказе Буркина местные горожане предлагают Беликову жениться на жительнице города Вареньке. Буркин описывает Беликова как раздумывающего над серьезностью женитьбы и подчеркивает его неспособность довести дело до конца. Позже по городу ходит карикатура на Беликова, изображающая его с Варенькой с надписью «Влюбленный

антропос». Психический шок от этого так сильно поражает Беликова, что он заболевает и умирает. Поначалу горожане чувствуют себя освобожденными от гнета Беликова, но со временем приходят к пониманию, что после его смерти условия ограничения и свободы в городе не изменились. На похоронах Беликова идет дождь, вынуждающий горожан надевать галоши и приносить зонтики, служащие его поминовению: «И, как бы в его честь, в день его похорон стояла пасмурная, дождливая погода, и все мы были в калошах и взяли наши зонтики» [3]. До этого момента истории эти два предмета предназначались исключительно Беликову, который, по словам Буркина, использовал их, чтобы изолировать себя от мира. Природа показывает на похоронах, что сами горожане также уязвимы для стихии и нуждаются в защите.

Чтобы понять, насколько чеховское изображение природы отходит от русской литературной традиции, сопоставим «Человека в футляре» с «Бедной Лизой» Николая Карамзина. В рассказе Карамзина рассказывается о любовной связи между дворянином Эрастом и бедной крестьянкой Лизой. Карамзин взывает к природе как к отражению интериоризированного, социально навязанного чувства стыда и вины, которые испытывает Лиза, соблазненная Эрастом: «Между тем сверкала молния и гремел гром. Лиза начала дрожать всем телом. – Эраст, Эраст! – сказала она. Я в ужасе! Я боюсь, что гром убьет меня, как преступника! Гроза бушевала угрожающе; дождь лил из черных туч – казалось, природа оплакивала утраченную невинность Лизы». Если в «Бедной Лизе» погода отражает позор Лизы, связанный с ее социально несанкционированной любовной связью с Эрастом, то в «Человеке в футляре» погода предупреждает читателей о лицемерии общества в инаковости Беликова. Таким образом, для Карамзина природа подтверждает эмоциональное состояние Лизы и оценку общества, а для Чехова природа противоречит чувствам горожан и освобождает Беликова от их суждения.

Примечательно, что в «Человеке в футляре» природа предлагает не только освобождение, но

и катарсис. Это справедливо не только для Буркина и дремлющих горожан, но и для читателя. Закончив свой рассказ, Буркин смотрит на луну, а затем на пейзаж дремлющего города: *«Когда в лунную ночь видишь широкую деревенскую улицу с ее избами, стогами сена и дремлющими вербами, на душе наступает чувство покоя»* [3]. Здесь взгляд Буркина на пейзаж вызывает интригующий сдвиг перспективы – от его личной точки зрения к более общей точке зрения «вас». Чехов также приписывает переживание безмятежности Буркина общему «тебе», приглашая читателя разделить это спокойствие

Буркина. Подобно Беликову, которого природа освободила от суждений через описание погоды ранее в рассказе, и подобно Буркину, которого природа теперь освобождает от ограничений его собственной точки зрения, читатель также освобождается от ограничений рассказа Буркина. Действительно, открывая перспективу, которая шире, чем у любого отдельного человека, этот пейзаж побуждает к размышлению и выходит за рамки ограниченной перспективы, предлагаемой большинством историй.

Действительно, так же, как и читатель, Иван Иванович слышит рассказ Буркина о Беликове, и его отклик на него моделирует размышление и выход за его пределы. Иван Иванович смотрит на повесть шире, видя в ней рассказ обо всех людях, а не только о людях, подобных Беликову: *«Разве наше городское, душное и тесное, наше писанье бесполезных бумаг, наша игра в винт – разве это не наше дело?»* Более того, хотя Чехов прямо не упоминает о том, что Иван Иванович видит пейзаж, приглашающий в более широкую перспективу, читатель с самого начала рассказа знает, что Иван Иванович сидит снаружи, а потому можно предположить, что и он среди тех, кто входит в общее «вы». Поэтому в «Человеке в футляре» Чехов усложняет повествование, показывая нам, как оно обретает новые значения при переходе от рассказчика к слушателю.

«Даму с собачкой» можно рассматривать как апогей чеховской тенденции противопоставлять повествовательные персонажи природе, это история о Гурове и Анне, которые встречаются и влюбляются вдали от своих супругов в примор-

ском курортном городе Ялте. Гуров полагается на повествование, чтобы понять свои отношения с Анной, которые, как он предполагает, будут последними в череде недолговечных и бессмысленных, хотя и приятных романов. Обстановка в Ялте способствует именно таким любовным историям.

Ялта – это место, где люди из разных городов могут познакомиться друг с другом. Более того, оно обеспечивает Анне и Гурову разлуку с супругами, анонимность и отрыв от повседневной жизни. И всё же неожиданно Гуров глубоко влюбляется в Анну, и после того, как она уезжает из Ялты в свой

город, Гуров становится одержим воссоединением с ней, а не отпускает роман, как обычно. Важно отметить, что именно вид на море в Ореанде, близ Ялты, впервые ставит под сомнение предположение Гурова и читателей о том, что его отношения с Анной будут просто еще одним примером знакомой истории. Однако усложняя то, что кажется моментом единения героев и природы в Ореанде, Чехов представляет нам проблемы, с которыми сталкиваются персонажи, пытаясь переписать свою жизнь в соответствии с этим опытом.

Пока Гуров и Анна всё еще находятся в Ялте, цветы служат каналом для выражения их желаний, которые иначе не были бы заявлены. Явное проявление этого происходит после того, как Анна узнает, что ее муж не прибыл на паром: *«Анна Сергеевна теперь молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова»*. Когда Гуров спрашивает Анну, что делать дальше, Анна отвечает *«нет ответа»* [4]. Затем Гуров целует ее в первый раз, и он *«осыпается ароматом и влагой цветов»*. Анна и Гуров молча общаются с природой и друг с другом. Происходит слияние сексуальности Анны с естественным ароматом и влагой цветов, и через безмолвное сенсорное воздействие это передается Гурову. Здесь природа навязывается героям, связывая молчанием их собственный язык, а их действия подчеркнуты как инстинктивные, а не их волевые конструкции.

Во время приезда в Ореанду Чехов вновь обрушивает на героев молчание. Героям противостоит «глухой шум моря», говорящий «о покое, о вечном сне, который нас ожидает». Объясняя свое наблюдение о том, что молчание является

ключевым элементом чеховской прозы, Валентайн пишет: «Чтобы подчеркнуть независимость существования природы от человека, Чехов часто вызывает в воображении образы связи между двумя элементами природы, связи, в которой человек не участвует» [там же]. Одна из возможных интерпретаций этого состоит в том, что взаимосвязь природы невербальна, и человек не может задействовать всё, что он наблюдает, в своих повествованиях. На самом деле молчание – это способ, которым природа рассказывает о ключевых элементах истории, позволяя читателю просто наблюдать ее присутствие и влияние на персонажей.

Здесь герои получают опыт, открывающий им новые перспективы в жизни. Здесь природа берёт верх не только над персонажами, но и над самой Ялтой. Герои погружены в природный ландшафт, а природа затмевает конструкции городской среды человека. Ялта отходит на второй план, а на первый план выходит природа, поэтому море вызывает сдвиг перспективы, подобный тому, что был в «Человеке в футляре».

Эта «трансформация» даёт Гурову вновь обретенную способность любить. Однако здесь Чехов предлагает читателю иную точку зрения. По мере развития сюжета «Дамы...» мы становимся свидетелями того, что попытки Гурова реализовать свою любовь к Анне не находят воплощения в соответствующих обществах героев.

Чехов создает связь между природной и городской средой, в которой живут Гуров и Анна, перенося образы природы из Ореанды в свой дом вдали от Ялты. В Ореанде природа подавляет героев и заслоняет своим присутствием город-курорт: «В Ореанде сидели на скамейке недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна в утреннем тумане; белые облака неподвижно стояли на горных вершинах». Иной контекст обретает этот образ после разлуки влюбленных: «Пройдет месяц, и Анна Сергеевна, как ему казалось, по-

кроется туманом в его памяти» [там же]. Тем самым Гуров отключается от настоящего, и его внутреннее повествование приобретает черты прошлого. Гуров также выдумывает истории о своем теоретическом будущем с Анной. Он не может рассказать другим о своем опыте; когда он пытается это сделать, всё, что он говорит, полностью игнорируется как если бы он вообще ничего не сказал. Таким образом, Чехов превращает то, что на первый взгляд кажется моментом единения влюбленных и природы, в состояние разъединения и беспокойства.

Опираясь на существующие представления о природе в художественных произведениях Чехова и в русской литературе и культуре в целом, этот тезис выявил ключевую и ранее непризнанную близость между пятью самыми знаменитыми рассказами Чехова. В «Человеке в футляре», «Даме с собачкой» природа усложняет персонажей и истории, которые они рассказывают себе и друг другу. В одних случаях природа предоставляет героям новые идеи и помогает им развиваться, в других даёт читателям новое понимание того, что сами персонажи не разделяют. Во всех случаях природа в произведениях Чехова раскрывается шире, затмевая героев и их экзистенциальные тревоги необъятностью земли, воды или космоса.

Литература

1. Россбахер П. Природа и поиски смысла в рассказах Чехова // Русское обозрение, т. 1, 1965.
2. Валентайн Б. Природа в произведениях Чехова // Русское обозрение, т. 1, 1974.
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем, т. 10, «Человек в футляре». М.: Наука, 1977.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем, т. 10, «Дама с Собачкой».